

Михаил БАРУ

САМОБЕГЛАЯ КОЛЯСКА ЛЕОНТИЯ ШАМШУРЕНКОВА

Яранск

От Москвы до Яранска всего восемьсот километров с небольшим – сел на поезд до Йошкар-Олы, почитал в интернете свежие новости, выпил чаю с лимоном, который принесла проводница, посмотрел по висящему под потолком телевизору кино, поспал, снова выпил, но уже не чаю, а кофе, и приехал в Йошкар-Олу. Оттуда до Яранска рукой подать – восемьдесят шесть километров на маршрутном такси. Полтора часа езды и ты в Яранске.

В конце шестнадцатого века путь от Москвы до Яранска... Впрочем, тогда не было не только Яранска, но даже и километров не придумали, чтобы сосчитать, сколько их от Москвы до... Йошкар-Олы тоже не было. Хотя... она была, но там еще только рубили стены, копали рвы, вкапывали на дно рвов заостренные дубовые колья и спали в обнимку с протазанами, бердышами и пищалями. Так, чтобы остановиться, выпить чаю, съесть резиновый пончик в привокзальном буфете, подзарядить телефон и пересесть на маршрутку до Яранска... Нет, этого и в помине не было. Были одни версты, тогда еще и не полосатые. Были луга и леса, в которых жили марийцы¹, которые тогда назывались черемисами, которые ни о каком Яранске знать не знали и знать не желали, которые вместе с тамошними татарами пошаливали так, что Москва, устав от их ежегодных шалостей, решила в тех местах построить сторожевые крепости.

В одной из летописей, написанной в начале двадцатых или тридцатых годов семнадцатого века, сказано, что царь Федор Иоаннович «посла воевод своих и повеле ставити во всей Черемиской земле города, и поставиша на Нагорной и на Луговой стороне город Какшугу и город Цивилеск и город Уржумъ и инии многие города, и насади их русскими людьми и тем он государь укрепил все царство Казанское»². Вот под этим «инии», как считают многие краеведы, Яранск и скрывается. Какшугу (она же Царевококшайск, она же нынешняя Йошкар-Ола) построили в шестьсот восемьдесят четвертом году, Цивилеск через шесть лет, а Уржум начали строить и построили еще через два года. Выходит, что Яранск построили в середине восьмидесятых или в начале девяностых годов шестнадцатого столетия. Правду говоря, для жителя Москвы, Брянска, не говоря о Санкт-Петербурге, этих сведений вполне достаточно, но для настоящего краеведа, который готов другого такого же настоящего краеведа съесть без соли и без лука только за то, что бы прибавить лишние десять лет или даже пять лет к дате основания своего города... Основатель вятского исторического краеведения Александр Иванович Вештомов еще в начале девятнадцатого века писал, что Яранск основан в восемьдесят четвертом году, а академик Тихомиров в сороковом году следующего века нашел фрагмент летописи, из которой следовало, что Яранск был построен на семь лет позже, а кировские краеведы все равно... Хотя никаких документов, свидетельствующих о том, что Яранск был построен на семь лет раньше, у них... Оставим кировских краеведов наедине с давно покойным академиком Тихомировым и найденным им отрывком летописи. Так или иначе, а Яранск был построен на правом берегу реки Ярань, на высоком холме. С двух сторон он был окружен водой, с третьей оврагом, а с четвертой сосновым бором. Когда мы говорим «построен», то это означает не год начала постройки, не разработку проектной документации, а всю постройку – ее начало, середину и конец. В те времена такие маленькие крепости были типовыми и строили их быстро, поскольку надо было, пока тепло, выбрать место, поставить двойной частокोल стен, засыпать между

стенами землю и камни, соединить стены угловыми башнями, поставить внутри острога церковь, съезжую избу, в которой помещалась воеводская канцелярия, срубить дом самому воеводе, устроить кладовые и погреба для хранения провианта, соли, отдельные склады для пороха, пушечных ядер... Короче говоря, надо было поворачиваться, и очень быстро, чтобы не долбить заступами промерзшую землю, чтобы было где, в случае нужды, укрыться жителям стрелецкой слободы и посада, поскольку такая нужда в то время могла прийти в любой день. Как раз в промежутке между восемьдесят четвертым и девяносто первым годами волновались и марийцы, и особенно татары, еще помнившие времена, когда эти земли были под властью Казани.

Что же до названия города, то тут все, как кажется, просто – назван он по имени реки Ярань, на высоком берегу которой и стоит. Топонимисты пишут, что яранами коми называли ненцев, а самые дотошные из них утверждают, что в первом тысячелетии нашей эры в бассейне реки Ярань обитали угры из рода Яр, которые и поделились с рекой своим именем. Впрочем, есть еще и третьи, считающие, что гидроним Ярань произошел от марийского *ep* или *йар*, что означает озеро с прибавлением к этому озеру суффикса притяжательных прилагательных *н(ь)*. Пусть себе считают.

В существовании Яранска в девяносто четвертом году сомневаться уже не приходится – в разрядных книгах того времени есть запись о том, что с середины марта воеводой «в новом Еранском городе» был «Федор Васильев сын Головин да голова Григорей Исленьев». Эти двое исполняли те же должности и в следующем году, и в следующем за следующим, и так до самого конца шестнадцатого века. Надо сказать, что должность воеводы, как и должность стрелецкого головы в новорожденном Яранске, sinecурой не была. В Яранск никто на воеводство не просился – туда посылали, а вернее, ссылали. Головина вчерашний раб, татарин и зять Малюты сослал за близость к Шуйским. Федору Васильевичу еще и повезло. Это была в некотором роде почетная ссылка. Могла быть просто ссылка в тот же Яранск или еще дальше – на Урал или даже за него. О том, за что попал в Яранск Григорий Исленьев, история умалчивает. Воеводы сменялись в таких городках часто – через два или три года, но для Головина эти правила писаны не были, и он прослужил в Яранске около семи лет. Собственно говоря, о Головине больше и сказать нечего. Никаких подвигов он не совершил, Яранск дворцами и соборами не украсил, в боевых походах не прославился по причине их отсутствия, и на рубеже веков его сменил другой воевода – москвич князь Александр Андреевич Репнин-Оболенский. Этого сослали в Яранск за близость, но уже не к Шуйским, а к Романовым. Стрелецким головой при этом воеводе назначили тоже Исленьева, но не Григория, а Андрея. Репнин-Оболенский продержался на воеводстве всего год. В конце шестисотого года сотник Иван Некрасов в Яранск из Москвы привез опального Василия Никитича Романова, которому предстояло здесь жить в ссылке. На всякий случай, чтобы Романов дорогой не убежал, стольник Некрасов приковал его к телеге. Приковал, между прочим, вопреки царскому наказу. Ссылному велено было проживать вместе со своим надзирателем Некрасовым в стороне от церкви, жилых домов и дороги. Не будет готового дома – построить «хором две избы, да сени, да клеть, да погреб, и около двора городба. И быти Ивану с Васильем в Яранском, до государева царева и великого князя Бориса Федоровича всея Руси указу, и с двора Василья и детины его спускать никуды не велеть, и того беречи накрепко, чтоб к Василью или человеку его никто не подходил и не разговаривал с ним ни о чем, и письма какого не поднес, и не сходил с ним никто». У Василия Никитича был слуга, и им на двоих полагалось «по колачу да по два хлеба денежных, да в мясные дни по две части говядины да по части баранины, а в рыбные дни по два блюда рыбы, какова где случится, да квас житной; а на корм послано с ним сто рублей денег»³. Кроме того, Некрасов имел государеву грамоту, в которой яранскому стрелецкому голове Андрею Исленьеву было велено воеводе Репнина-Оболенского от должности отстранить и выслать в Уфу. Еще по дороге в Яранск, в Царевококшайске, некий приказный человек Богдан Путилов доверительно сообщил Некрасову, что стрелецкого головы в Яранске нет. По

официальной версии Исленьев отбыл на государеву службу с местными марийцами, а по слухам... уехал к себе в деревню.

Прибыв в Яранск, Некрасов оставил Василия Романова под стражей в доме местного пушкаря и стал разыскивать Исленьева. Хотя Яранск и не Москва – искать ему пришлось долго. В конце концов допрошенные священнослужители, дети боярские, подьячий и служилые люди признались, что стрелецкого голову в Яранске никто не видал.

За Исленьевым отправили в его деревню гонца, а Репнина-Оболенского вызвали в судную избу, и там Некрасов у бывшего воеводы ключи от города и острога отобрал, а самого его распорядился выслать из города под надзор в черемисскую деревню в семи верстах от города. Князя почти уже и выслали, как вдруг подьячий Михаил Камасев сообщил сотнику, что бывший воевода успел взять из казны на свои нужды семьдесят один рубль двенадцать алтын и две с половиной деньги. Все эту наличность, как выяснилось, бывший Репнин-Оболенский успел истратить. Небольшую часть долга князь отдал деньгами, а в уплату остального отдал на продажу нажитые непосильным трудом шесть десятков овец и баранов, три коровы и пивной железный котел. Оказалось, что это не все. Городовой приказчик рассказал стольнику Некрасову, что бывший воевода присвоением казенных денег не ограничился – он еще из государевых амбаров взял для собственных нужд двадцать четвертей ржи и тридцать четвертей овса. Переводя на наши деньги, почти две тонны ржи и около трех тонн овса. Видимо семья князя очень любила овсянку. Не говоря о княжеских лошадях. Тем временем яранский стрелецкий голова Исленьев, которого на государевой службе так никто и не видал, получил от козьмодемьянского воеводы Вяземского еще одну царскую грамоту, которая предписывала ему не мешкая выслать князя Репнина-Оболенского в Уфу. Бумагу за него получил Некрасов и незадачливого воеводу вместе с семьей под конвоем немедля отправил в Уфу, а сам занялся устройством жилища для Василия Романова. Места в Яранске было катастрофически мало, и потому пришлось выселить из города двух сторожей, а на их участках начать строительство избы для ссыльного. Для постройки Некрасов велел употребить бревна, оставшиеся от строительства крепости. Обо всех этих бревенчатых подробностях историкам известно потому, что Некрасов чуть ли не каждый день писал подробные отписки в Москву. Вернее, писал не сам, поскольку был неграмотным, а с помощью писца, и очень переживал, что вследствие своей неграмотности не может отписать царю про тайные дела, касающиеся только царских ушей. Не надеялся стольник, что яранский писец станет держать язык за зубами.

В начале августа шестьсот первого года Некрасов отправил свой отчет о проделанной работе с яранским стрельцом в Москву, а в конце этого же месяца из Москвы пришел стольнику приказ везти ссыльного Василия Романова в Сибирь, в Пелым, за полторы тысячи верст от Яранска. Взял Некрасов Василия Никитича, взял цепь, которой приковывал его к телеге, взял запас продуктов, теплых вещей и поехал. Пробыли они в Яранске всего шесть недель. Этого хватило, чтобы и через четыреста с лишним лет показывать туристам небольшое возвышение в центре города, называемое в городском обиходе Романовской горкой. На этой горке, по преданию, стоял дом, в котором содержался ссыльный. Теперь там стоит серая бетонная коробка гаражей местной пожарной части. Внизу, под Романовской горкой, протекает Ярань, а в Ярани есть яма. В ней, по этому же преданию, то ли купался, то ли рыбачил дядя будущего царя. В местном краеведческом музее могли бы показывать и чучело огромной щуки, выловленной лично Василием Никитичем, но... не показывают.

Собственно, все эти разбирательства и были главными событиями в жизни Яранска самого начала семнадцатого века. Не считать же событиями выращивание стрельцами и их женами на своих огородах капусты, репы и гороха. Никакие ногайцы или крымские татары в эти медвежьи углы не добежали, Засечной черты здесь не было, спать, не снимая кольчуг и шпор, не приходилось. Яранск стал городом, куда ссылали опальных князей на воеводство. По тем временам от Москвы до Яранска было немногим менее, чем до

Австралии, которую как раз тогда открыли. После того как князя Репнина-Оболенского вместе с семьей выслали в Уфу, его место занял еще один опальный князь – Владимир Семенович Шестунов, а заменил его на этом посту Владимир Дмитриевич Шестунов – тоже опальный и тоже попавший в опалу из-за слишком тесной дружбы с Романовыми. Удивительно то, что стрелецким головой при этих воеводах как был, так и остался непотопляемый Андрей Исленьев. Видимо, он все же стал ходить на работу. И все же такое воеводство было почетной ссылкой. Князю Ивану Борисовичу Черкасскому, мать которого доводилась родной сестрой Василию Романову, повезло куда меньше – его сослали еще дальше на восток, в городок с унылым названием Малмыж, и совсем не воеводой. В Яранске князь лишь посидел на дорожку в тюрьме. В шестьсот девятнадцатом году уже Романовы по навету Салтыковых сослали сюда невесту царя Михаила Федоровича Марию Хлопову. Она тоже в Яранске долго не задержалась, и ее увезли еще дальше, в Тобольск.

За десять лет до приезда несчастной царской невесты, в самый разгар Смуты, Яранск захватил сводный отряд русских, марийских, чувашских и мордовских крестьян под началом русских служилых людей Ивана Волинского и Елизара Бартенева, а также двух мордовских мурз Бибая и Теребердея Мустофиных. Собственно говоря, никакой осады или штурма не было – яраничи отворили ворота и присягнули на верность царевичу Дмитрию. Яранского воеводу Петра Глухова взяли в плен, а весь его отряд перебили. Глухову еще повезло. Организатора обороны в соседнем Котельниче стрелецкого сотника Захара Попова инсургенты и вовсе посадили на кол. Для управления Яранском выбрали Асанчука Горихвостова и подьячего Павла Мокеева. После избрания Горихвостов немедленно... вступил в тайную переписку с хлыновским (вятским) воеводой князем Ухтомским, надеясь с его помощью вернуть Яранск под власть Василия Шуйского. Одно из писем нового городского начальника перехватили сторонники «тушинского вора». Кончилось все тем, что в конце февраля шестьсот девятого года, то есть через два месяца после выборов, Горихвостова арестовали и повесили.

Хлыновский воевода князь Ухтомский писал «...Государевы изменники воры, волжские казаки, которые были под Свияжском, собрався с Чебоксарскими, и Козьмодемьянскими, и Санчурскими, и с Царегородскими, и Яранскими стрельцами, и со всякими русскими воры, и с луговой черемисою, со многими людьми, пришед из Яранска к Вятке...»⁴. Взять Хлынов сторонники Самозванца не смогли. Отряды воеводы Ухтомского и московского воеводы Мансурова отогнали их к Яранску и в январе десятого года разбили наголову.

В те времена город представлял собой... Скорее, это был эмбрион города, в котором за запиравшимися на ночь воротами на крошечном пятачке теснились дворы воеводы, стрелецкого головы, городского приказчика, подьячего, стоял соборный храм Успения Пресвятой Богородицы, дворы попа и дьякона, судная изба, государевы житницы, дворы двух сторожей, охранявших эти житницы, дворы пушкарей, целовальников, детей боярских... В двадцать пятом году в Яранске служили двенадцать детей боярских, семь пушкарей, два воротника, два толмача, девять служилых литовцев (занесла их нелегкая), восемь черкас, три новокрещена, четыре тархана⁵, городской приказчик и две сотни стрельцов. И это не считая лошадей, женщин, коров, детей, кур, овец, собак, кошек и ручного скворца Терешки, жившего в доме дьякона. Не то чтобы яблоку некуда было упасть, но даже и плюнуть...

В шестьсот тридцатом году в Яранске был воеводой Дмитрий Андреевич Францбеков. Опалы никакой на нем не было. При Дмитрие Андреевиче в составе местного гарнизона был даже конный отряд служилых дворян и отряд марийцев. В Яранске Францбеков себя никак не проявил, зато потом был и послом в Швеции, и воеводой в Вятке, и в Якутске, где организовывал, вооружал и финансировал экспедиции Ерофея Хабарова на Амур, а только потом уже попал в опалу. Уж больно много за ним числилось злоупотреблений – и бурятов с якутами грабил и убивал, и взятки брал, отчетов

в Москву не посылал, русских купцов грабил, служивым людям жалованья не выдавал. Лишили Дмитрия Андреевича всех должностей и имущества, но разрешили умереть в Москве. Впрочем, это все уже было потом, после Яранска, в котором его карьера только начиналась. Кстати говоря, Францбеков был человеком высокообразованным и знал греческий язык. Гомера очень любил и многое из него знал наизусть. Бывало, еще во время службы в Яранске, не спится ему, так он на верхнюю площадку угловой башни заберется и давай во весь голос декламировать: «Бессонница. Гомер. Тугие паруса. Я список кораблей прочёл до середины...». При этих словах он широко обводил рукой окрестные поля, леса и перстом указывал на углые берестяные челны марийцев, вытасенные на берег Ярани под крепостной стеной. Ему караульный стрелец тихохонько на ухо:

– Побойтесь бога, Дмитрий Андреевич, да какой же это, извиняюсь, Гомер. Да вам даже наш конюх скажет, что...

Куда там... Никого в этот момент не слышал и не слушал. Прочтет все до конца, до самого тяжкого грохота, который подходит к изголовью, плюнет в сердцах и пойдет пить виноградное вино, запас которого привез с собой из Москвы.

В сорок шестом году по указу Алексея Михайловича была произведена перепись податного городского и сельского населения. По писцовым книгам «...всего в Яранском городе и на посаде посадских людей 23 двора, а людей в них 23 человека, да у них же братьев и сестер 48 человек. Да бобыльских дворов: двор Захарко Балахонец, двор Однокишко Долгополов, Петрушка Сухоруков, Илюшка Костромитин, Захарко Дыркин, Сенка Борашев, Потешка Лагунов, Сенка Балахонец»⁶. От одного имени Однокишко хочется уйти в запой. Как представишь себе его двор или двор Захарки Дыркина... Покосившиеся курные избы, поваленные плетни, ледащие лошаденки, вечно голодные собаки... Разве только у Потешки Лагунова... Хотя какое там веселье. Валялся, поди, пьяный в хлеву и спал беспробудным сном.

Не надо думать, однако, что Яранск – это только опальные воеводы, стрельцы, пушкари и обнищавшие бобыли. Среди трехсот пятнадцати подписавших Соборное Уложение шестьсот сорок девятого года митрополитов, архиепископов, архимандритов, князей, бояр и окольничих был яранец Семен Бибиков.

Были в семнадцатом веке и другие яранцы, сумевшие остаться в истории. В семидесятом году к Яранску подошел отряд разинцев под командой атамана Долгополова. Тут уж яранский воевода Матвей Корин не оплошал – и ров приказал выкопать, и заостренными дубовыми кольями дно его утыкать, и засеки на лесных дорогах устроил, и караулы расставил, и посадских людей с крестьянами вооружил, а Долгополов взял и... не дошел до Яранска. На следующий год в Яранске поймали двух разинцев, и те под пыткой рассказали о планах атамана Долгополова поднять восстание в Вятском крае. Вот, собственно, и все участие Яранска в разинских делах, если не считать примкнувшего к разинцам некоего Митьки Яранца, который «в роспросе и с пытки сказал. – Как де вору Стеньке Разину и казаком астраханцы город здали, и он, Митька, в то время и в воровство Стеньки Разина и Федьки Шолудяка жил в Астрахани... А как Федька Шолудяк с казаками пошел из Астрахани под Синбирск и его де, Митьку, воры казаки и астраханцы выбрали в старшины, и был в старшинах до приходу боярина и воеводы Ивана Богдановича Милославского...». Дослужился, стало быть, Яранец до Астраханского старшины. Повесили Митьку вместе со всеми его подельниками⁷.

В начале восемнадцатого века, в семьсот девятом году, в Яранск приехали шведы. Не по своей воле приехали. Были они пленными, которых взяли после Полтавской баталии многие тысячи. Приехали, конечно, не тысячи, а всего одиннадцать человек. Пустых земель вокруг Яранска было более чем достаточно, и пленным даже разрешили выбрать то место, которое им приглянется. Они и захотели поселиться в версте от городского собора. Власти дали им лес для строительства домов. И стало это поселение называться Ланцы. Одни яранские краеведы утверждают, что в переводе с шведского это

означает «к солнцу», а другие говорят, что название произошло от слова «ландскнехт», которое сначала аборигены превратили в разговорное «ланцкнехт», а уж потом сократили до «ланцов». Ланцы и сейчас существуют, только это уже не отдельное поселение, а квартал в черте Яранска. Во всей этой довольно обычной истории (пленных шведов в России было много, и куда их только не сослали) самое интересное – причина, по которой их сослали в Яранск. Скорее всего, это легенда, но... в местном краеведческом музее мне рассказали о том, что в Полтавской битве принимал участие отряд вятских ополченцев. Так храбро они сражались и такие проявили они чудеса героизма, что замечены были самим царем. Петр Алексеевич, мужичина, мягко говоря, росту немаленького, посмотрел на низкорослых и субтильных вятичей и приказал направить в Вятский край некоторое количество пленных шведов не ниже двухметрового роста. Для улучшения, так сказать, местной породы. Нет, это все же легенда, но судя по тому, что мы знаем о Петре Великом... Может, конечно, шведы были не двухметрового роста, может, их было не одиннадцать, а сто или больше, может... Короче говоря, я бы не удивился, если бы где-нибудь в бумагах покойного императора историки обнаружили бы такой указ или отчет о рожденных детях от смешанных шведско-русских браках со сводной таблицей, в которой был бы указан рост каждого ребенка в аршинах, вершках и пядях.

Первая половина восемнадцатого века в Яранске была бедна событиями. Недорогов и стихийных бедствий, слава богу, не было, корабли здесь Петр Алексеевич строить не приказывал, потому как ни до какого государства на них по Ярани не доплывешь, войны в те края не докатывались, а вот беглые крестьяне в двадцатых и тридцатых годах добирались и селились в безлюдных местах. Селиться-то они селились, но податей не платили и не желали платить. Крестьяне не знали и не желали знать, что эти безлюдные места на самом деле принадлежали одному нижегородскому монастырю. Яранские власти во главе с воеводой Ахматовым этого допустить не могли. Потом, когда Ахматов, наконец, уехал вместе со всей своей командой из деревни, в которой селились беглые, они (беглые) на него подали вышестоящим властям челобитную, в которой писали, что воевода, угрожая им побоями, «вымучил» с них восемьдесят рублей денег, пуд меду и пару шкурок куниц. Вряд ли воевода собирался этот мед и шкурки, не говоря о деньгах, сдавать в казну в счет уплаты налогов. Подьячему Аристархову, приехавшему вместе с Ахматовым, досталась всего пятерка, ни капли меда и ни одной шкурки, а сопровождавшим их солдатам удалось обобрать крестьян на двенадцать рублей. На что надеялись беглые крестьяне, не платившие податей, когда жаловались на воеводу-взяточника... кому жаловались...

У воеводы Ахматова в канцелярии служил некто Иван Корякин, который потом из канцеляристов записался в купечество, но государственной службы не бросил. Тогда смотрели на это просто и винокурный завод, которым владел Корякин, на жену или тещу переписывать нужды не было. Мы бы этого Корякина – обычного чиновника, взяточника и хапугу и вспоминать не стали бы, кабы он при поддержке городского воеводы не захватил земельный надел крестьянина Федора Шамшуренкова, которого мы тоже вряд ли вспомнили бы, если бы у него не было брата Леонтия. Без Леонтия Лукьяновича Шамшуренкова история Яранска, и не только Яранска, будет неполной.

К моменту описываемых событий Леонтию было сорок три года. Он родился не в самом Яранске, а в уезде, в деревне Большепольской. Что он делал до тридцатых годов, доподлинно неизвестно – может, землю пахал, а может, был кузнецом или плотником. Документов об этом периоде его жизни не найдено, зато точно известно, что летом семьсот тридцать первого года Шамшуренков был в Москве и наблюдал за подготовкой к отливке Царь-колокола. Сам колокол был отлит лишь через пять лет. Как в село Большепольское Яранского уезда Казанской губернии (тогда Яранск принадлежал Казанской губернии) дошло известие о том, что колокол отлит, теперь уже не установить, но в тридцать шестом году Шамшуренков вновь в Москве и подает в Московскую

сенатскую контору «доношение» о том, что им изобретено устройство, с помощью которого можно будет поднять Царь-колокол на колокольню.

И вроде все просто – подал «доношение» о том, что им изобретено устройство, а как хотя бы на минуту представишь себе начало восемнадцатого века в селе Большепольском Яранского уезда Казанской губернии... Вряд ли Шамшуренков работал в местном проектно-институте, а по вечерам чертил свое подъемное устройство на припрятанном от начальства листе ватмана припрятанными карандашами. Где он вообще учился механике, математике и основам начертательной геометрии, которую тогда еще и не придумали? Не у местного же дьячка. Или он ничего не чертил, а держал все детали устройства и все их проекции в голове... Какого же размера должна быть такая голова? Что говорила ему жена, когда он по ночам, при свете лучины, мастерил из щепок, воощенных ниток и ржавых гвоздиков... Отмалчивался ли он или... потом просил у нее прощения за то, что под горячую руку... Нет, все это представить решительно невозможно.

Итак, Шамшуренков, этот Кулибин за сорок лет до самого Кулибина, пишет сенатской конторе: «В прошлом 1731 году, как зачался строитца великий колокол, и я, нижайший, был в то время в Москве и того строения многое время присматривался и вразумлялся о том, как его вынимать из земли и поднять кверху, и ныне я о том вразумился верно. И в нынешнем 736-гду уведомился я о том, что оной колокол вылился и я, нижайший, того ради пришел в Москву из дальнего расстояния для подъема оного колокола... и я человек не беглой, не от беды какия, и в подушный оклад написан и подушные деньги плачу без доимки...»⁸

Сенатская контора, рассмотрев «доношение», уже в конце августа того же года распорядилась «оному Шамшуренкову к подъему большого Успенского колокола сделать модель немедленно, под смотрением сенатского вахмистра»⁹. На изготовление моделей изобретателю было выдано ровно три рубля. На эти три рубля за два следующих месяца Шамшуренков изготовил несколько моделей изобретенных им подъемных устройств, которые по сенатскому указу были переданы в Московскую артиллерийскую контору на экспертизу. По результатам экспертизы было решено строить подъемное устройство Шамшуренкова непосредственно над литейной ямой. Вот только не надо думать, что проектов поднятия колокола было мало и сенатская контора ухватилась за первый попавшийся. Проектов было столько, что никаких колоколов не хватило бы.

Увы, опустошительный кремлевский пожар, случившийся в мае семьсот тридцать седьмого года, уничтожил все деревянные части подъемного устройств, а они почти все и были деревянными. Сам колокол тоже не имело никакого смысла поднимать – он треснул, и от него, как всем известно, откололся кусок. Шамшуренков вернулся к себе в Большепольское и стал думать над конструкцией «самобеглой» коляски. Мы бы назвали ее велосипедом. Такие коляски замечательно изобретал Кулибин, но... лет через тридцать после Шамшуренкова. Яранский изобретатель сумел, обходясь теми материалами и инструментами, которые были под рукой, изготовить действующую деревянную модель, испытать ее и... тут умер его брат Федор и оставил ему в наследство тяжбу с чиновником Яранской воеводской канцелярии Иваном Корякиным. Стал Шамшуренков судиться с Корякиным за возврат несправедливо отнятой земли у семьи своего брата. С Корякиным, который в яранской воеводской канцелярии служил жалким копиистом, как Акакий Акакиевич Башмачкин. С Корякиным, у которого при обыске нашли порванную записку, где его рукой было написано «губернатору – пятьдесят, товарищу губернатора – тридцать или двадцать рублей, прокурору – сервиз, секретарю – пятьдесят, подьячему – десять или двадцать рублей»¹⁰. Впрочем, до обыска в доме Корякина еще целых шесть лет, а пока тяжба закончилась тем, что весной семьсот тридцать девятого года Леонтий Шамшуренков был препровожден в уездную канцелярию, закован в кандалы и бит кнутом за то, что он якобы оскорбил после ареста городского воеводу. Уже хорошо, что он якобы его не ударил, а не то... Надо понимать, что Шамшуренков был дворянский крестьянин и

подлежал суду местной дворцовой конторы, и бить кнутом его, то есть шельмовать, могли только по специальному указу Сената. Ну, где Сенат, а где яранская воеводская канцелярия. Сын Шамшуренкова, Василий, написал жалобу в Казанскую дворцовую канцелярию, в которой подробно... Мог бы и не стараться – Казанская дворцовая канцелярия и ухом не моргнула в ответ на письмо Василия Шамшуренкова. В июле сорокового года, через год с небольшим сидения на цепи, Леонтий Шамшуренков подает в обход всех канцелярий прошение на высочайшее имя. Само собой, что в тюрьме ему ни бумага, ни чернил не давали, а писал и подавал прошение по его просьбе доверенный человек Алексей Тимофеев.

Что-то там, на самом верху, скрипнуло, какие-то шестеренки с усилием провернулись, прошение Шамшуренкова попало сначала к сенатскому генерал-прокурору, а потом в Главную Московскую дворцовую канцелярию. Оттуда пришел приказ доставить Леонтия Лукьяновича под караулом в Москву для разбора дела. Прошло полгода, прежде чем граф Салтыков, заведующий Главной Московской дворцовой канцелярией, приказал провести повторное расследование в Казанской губернской канцелярии совместно с Казанской дворцовой конторой, а Шамшуренкова отправить в Казань, но уже за свой счет. Мало того, Шамшуренков должен был оплатить еще и питание солдата, под караулом которого его повезут, а вернее, поведут, в Казань. Откуда Шамшуренков возьмет деньги на оплату солдата, когда ему и самому есть было не на что, графа Салтыкова, понятное дело, не интересовало. Хорошо еще, что московские знакомые Шамшуренкова из Главной дворцовой канцелярии и Сибирского приказа поручились за него, и через три дня, выпущенный на поруки, он ушел в Казань.

Тут читатель скажет, что это уж к истории Яранска не имеет никакого отношения, и будет, конечно, прав. Не имеет, но... Впрочем, вот вам Яранск, в котором Корякин все эти годы успешно продвигался по службе и из простого копииста превратился в так называемого подъячего с приписью – то есть старшего канцеляриста, который мог подписывать документы. Он и подписывал, а параллельно подделывал и уничтожал документы из шнуровых книг Яранской ратуши, крал медные перегонные кубы и трубы из казенной яранской винокурни и вывозил их на свой винокурный завод и беспощинно торговал вином своего винокурного завода в кабаках, открытых без разрешения властей. Короче говоря, вел себя не как подъячий, пусть даже и с приписью, а как целый воевода.

В сорок втором году несдающийся Шамшуренков и выборный посадский человек Ермолай Шевелев подали очередную бумагу в Камер-коллегию, где обвиняли уже не одного Корякина, но и его подельника – яранского купца Голенищева. Зимой того же года еще пятнадцать яраничей, в том числе и яранский бурмистр Емельян Балахонцев, написали еще одну жалобу... Из Казанской губернской канцелярии с указом Камер-коллегии приехал в Яранск прапорщик Свяжского полка Сидор Кириллов, и тут открылось... то, что и без всякого следствия знал весь Яранск, а сверх того обнаружилось так и не доведенное до конца дело шестилетней давности о незаконном винокурении, которым занимался Корякин. Следственные материалы отправили в Казань и... Сидора Кириллова от дела отстранили. Передали его царевококшайскому воеводе Доможирову, который приехал в Яранск, допросил еще одного свидетеля, который подтвердил то, что сказали предыдущие свидетели, и укатил обратно в свой Царевококшайск.

Через год, в мае сорок третьего, в Яранск для продолжения расследования был прислан еще один человек – секунд-майор Роман Державин, а в июле у него родился сын Гавриил. Тут бы и написать мне, что приехал он в Яранск с молодой женой на сносях и именно в Яранске родился у них... Нет, приехал он один, а старик Державин родился совсем в другом месте. Правда, яранские краеведы пишут, что Роман Николаевич мог быть в Яранске в самом начале своей военной карьеры и там же мог познакомиться с будущей женой – Феклой Андреевной Козловой, но... мог и не быть, а тем более

встречаться с будущей матерью знаменитого поэта. Во всяком случае, в Яранске наверняка есть здания, в которых отец Державина бывал. Если бы еще знать в каких...

Вернемся, однако, к делу Шамшуренкова. Державин разыскал даже похищенные Корякиным и Голенищевым листы из шнуровых приходных книг яранской ратуши. Наконец, при обыске в доме Корякина была найдена та самая записка с росписью взяток губернатору, прокурору, секретарю и подьячему, о которой говорилось ранее. Державин арестовал Корякина с Голенищевым и опечатав все их имущество, включая винокуренный завод Корякина. По его докладу прокурор предписал Казанской губернской канцелярии «о том без промедления решение учинить и что учинено будет – к генерал-прокурорским делам репортовать»¹⁰.

Думаете, правда наконец-то восторжествовала? Как бы не так. Тем же летом Голенищев бежал из-под стражи и объявился в Казани, где исхитрился подать жалобу на Шамшуренкова, яранского бурмистра Балахонцева и... на майора Державина. Жалобу приняли к рассмотрению, Державина от следствия отстранили, а всех тех яраничей, кого Голенищев в своей челобитной упомянул, Казанская губернская канцелярия приказала забрать и в «непорядочных поступках произвести следствие во оной же канцелярии без упущения». Державина заменили другим майором – Земнинским, но приступить к следствию он не мог, поскольку яраничи требовали присутствия на следствии Державина. Еще через год майора Зимнинского заменили коллежским асессором Топориным. Тот знакомился, знакомился с материалами следствия – и еще через два года заболел и передал дело присланному из Москвы коллежскому асессору Голчину. У того был сенатский указ о проведении следствия в самые краткие сроки. И действительно, в самые короткие сроки Голчин... договорился с Корякиным и Голенищевым, и сразу же выяснилось, что казна от действий Корякина и Голенищева ущерба не понесла, украденные перегонные кубы были на самом деле выданы местным купечеством заимообразно, свидетели, допрошенные не просто так, а под пыткой, стали отказываться от своих показаний...

Тут читатель скажет, что это уж к истории изобретения самобеглой коляски Шамшуренкова не имеет никакого отношения, и будет, конечно, неправ. Еще как имеет. Голчин арестовал Шамшуренкова, заковал в кандалы, в колодки, посадил на цепь и приказал бить его кошками и батогами. Несчастный изобретатель, которому тогда было уже шестьдесят, не выдержав пыток, был вынужден отказаться от своих писем в Камер-коллегию. Голчин был тот еще фрукт без страха и упрека. Он в своем докладе по делу потребовал оштрафовать предыдущих следователей, включая Державина, а Шамшуренкова за якобы ложные свидетельства предлагал и вовсе казнить или, в крайнем случае, сослать на вечное поселение в Оренбург, предварительно бив кнутом и вырезав ноздри. Через пять месяцев Голчин снова заставил Шамшуренкова отказаться от своих показаний и дать подписку, что претензий к Корякину и Голенищеву не имеет, а писал жалобы по наущению яранского бурмистра и купца Балахонцева, который к тому времени успел умереть.

И снова сын Шамшуренкова пишет челобитную в Сенат. Яранский магистрат в сорок восьмом году отверг версию Голчина и написал о своем несогласии в Камер-коллегию. Еще и прибавил, что Максим Голенищев с другим яранским купцом Петром Овчинниковым убили яранского бурмистра Григория Попова, и потребовал никаким челобитным этих убийц не верить. Что-то на самом верху еще раз скрипнуло, и шестеренки Камер-коллегии повернулись хотя и не на целый оборот, но не меньше чем наполовину. Голчина и чиновников казанской губернской канцелярии от расследования отстранили, а многострадального Шамшуренкова под караулом препроводили в Нижний, чтобы тамошняя губернская канцелярия расследовала обстоятельства, при которых Леонтий Лукьянович отказался от своих показаний. На дворе стоял уже семьсот пятидесятый год¹¹.

В нижегородской тюрьме Шамшуренкова не били, не сажали на цепь, не заковывали в кандалы, и самобеглая коляска, идею которой он все время носил в голове, в самом дальнем ее углу, уже почти затянутом паутиной, ожила, зашевелила колесами, закрутила педалями и заскрежетала зубчатой передачей. В конце февраля пятьдесят первого года Шамшуренков решает продиктовать своему племяннику Федору (сам Леонтий грамоте был не обучен) еще одно письмо в Сенат, в котором сообщал, что «может он сделать курioзную самобеглую коляску, которая будет бегать без лошади»¹².

Уже на следующий день второго марта пятьдесят первого года (скорости для того времени неслыханные) Нижегородская губернская канцелярия отправила в Москву, в Сенатскую контору, доклад, в котором подробно описала, как сказали бы современные патентоведы, формулу изобретения Шамшуренкова. «Написано от него, Леонтея, о сделании им коляски самобеглой, и такую коляску он, Леонтей, сделать может подлинно, изобретенными им машинами, на четырех колесах с инструментами так, что она будет бегать и без лошади, только правима будет через инструменты двумя человеками, стоящими на той же коляске, кроме сидящих в ней праздных людей, а бегать будет хотя чрез какое дальнее расстояние, и не только по ровному месту положению, но и к горе, буде где не весьма крутое место; а та де коляска может быть зделана конечно через три месяца со всяким совершенством, и для апробации на сделание такой коляски потребно ему из казны денег не более тридцать рублей (понеже своим коштом, за неимуществом его, сделать ему нечем), которую апробацию может он сделать и здесь, в Нижнем Новгороде... А тому искусству нигде он, Леонтей, не учивался, но может сделать это своею догадкою, чему он пробу в доме своем, таясь от других, делывал, токмо она за неимением к тому достойных железных инструментов в сущем совершенстве быть не могла... Для уверения оногo, что искусство совершенно в нем имеется, объявил он прежде свое художество, что в прошлом... делал он модели для вынятия из земли и поднятия на колокольню нововылитого большого колокола, и с теми моделями из Конторы Правительствующего Сената отослан был в Артиллерийскую контору, которое его дело и принято было за действительно... и при окончании допросу он, Шамшуренков, подтвердил, что ежели то ево показание явится ложно, за то повинен смертной казни»¹³. В конце доклада губернская канцелярия спрашивала Сенатскую контору «что о том повелено будет учинить». Москва в ответ... промолчала, и только после повторного напоминания, через четыре месяца (какими долгими они показались Шамшуренкову, мы можем только догадываться), в конце июля Сенатская контора запросила Петербург, который... тоже промолчал. Московская контора еще раз напомнила, и в конце февраля пятьдесят второго года было велено прислать Шамшуренкова в Петербург и дать ему на корм в пути до столицы пять копеек на каждый день. Прошло еще три недели, потраченных на сборы, выписывание подорожных документов, получение кормовых денег, и Шамшуренков в сопровождении конвойного солдата Петра Осипова выехал на ямской подводе в Петербург. В тот год Шамшуренкову исполнилось шестьдесят пять лет.

Строго говоря, дальнейшая история Шамшуренкова и его самобеглой коляски к Яранску отношения почти не имеет, а потому рассказывать о том, как он приехал в Петербург за две недели вместо положенных трех, как за пять месяцев «своею догадкою», с помощью кузнеца, слесаря и плотника коляску сделал, как жил в Петербурге на пятак в день, пока коляска проходила испытания, как она их успешно прошла, как самого изобретателя отправили в Москву, в сенатскую контору, и как за изготовление коляски получил он пятьдесят наградных рублей, мы рассказывать не будем.

Кончилось все, однако, тем, что власти взяли с Шамшуренкова подписку в том, что он явится в Нижегородскую Губернскую канцелярию неотменно и будет там ровно столько, сколько потребуется для завершения дела по его жалобе на яранского купца Ивана Корякина со товарищи.

Да вот еще что. Шамшуренков после успешных испытаний коляски предлагал Сенату «для апробации сделать сани, которые будут ездить без лошадей зимою, а для

пробы могут ходить и летом...», предлагал сделать верстомер, который будет показывать на циферблате «стрелой до тысячи верст и на каждой версте будет бить колокольчик», предлагал усовершенствовать ту коляску, что уже сделал, так, что она будет еще меньше и быстрее, предлагал... Сенат в ответ на письмо Шамшуренкова запросил, во что сани и верстомер обойдутся. На все про все просил Леонтий Лукьянович сто тридцать рублей. Сенат в ответ на... Несколько месяцев ждал Шамшуренков ответа от Московской сенатской конторы, а осенью пятьдесят третьего года собрался и поехал в Нижний.

Умер Леонтий Шамшуренков через пять лет, в семьсот пятьдесят восьмом году. Последние годы своей жизни он, скорее всего, прожил в родной деревне. Никаких чертежей или рисунков коляски не сохранилось. Сама коляска тоже до нас не дошла. Может, и каталась на ней Елизавета Петровна вместе с Разумовским по дорожкам парка своего Летнего дворца... а может, и не каталась. Может, катали на ней гостей во время торжеств по поводу окончания Семилетней войны и заключения мира с Пруссией... а может, и не катали. Может, какой-нибудь надутый прусский полковник или даже генерал с преогромными рыжими усами, которого велено было катать в этой коляске, осторожно косясь на двух нажимающих педали здоровенных русских гренадеров за спиной, думал, что у них, в Пруссии, могут сделать еще и не такую коляску... а может, и не думал. Теперь уж не узнать.

Теперь бы надо написать, что и сам Леонтий Лукьянович Шамшуренков, и его самобеглая коляска потомками забыты, и только специалисты... а вот и нет. В Яранске Шамшуренкова любят и помнят. В местном краеведческом музее изобретателю-самоучке посвящена целая экспозиция. В самом центре ее находится деревянный макет его самобеглой коляски величиной с детский грузовик, который мальчишки обычно возят за собой на веревочке, и медаль, отчеканенная к трехсотлетию со дня рождения Шамшуренкова. На ее аверсе портрет бородатого человека, изображающего изобретателя, а на реверсе фантазии медальера на тему самобеглой коляски. По краю медали идет надпись «изобретатель первого в мире автомобиля», которого Шамшуренков не изобретал. Впрочем, понять автора медали можно – веломобиль звучит несерьезно в сравнении с автомобилем.

Ну, да бог с ней, с медалью. Хорошо, что она есть. В городе проводится ежегодный фестиваль под названием «Колесная феерия», на который из разных мест съезжаются любители строить самобеглые коляски своими руками. Наконец, в пятнадцатом году власти открыли в Яранске парк Шамшуренкова. На его обустройство из областного бюджета ассигновали целых шесть миллионов рублей. В центре парка предполагалось поставить памятник изобретателю. На памятник городским властям выдали еще четыреста с лишним тысяч. Сначала поставили небольшой закладной камень, сложенный из кирпичей (большой камень в смету не вписывался), а на него прикрепили памятную табличку о том, что здесь будет... Короче говоря, все сделали как нужно и стали ждать, когда вырастет памятник. Через какое-то время, устав ждать, на то место, где должен был встать бронзовый Леонтий Лукьянович, поставили ажурную беседку, а в нее поместили сделанную местным умельцем большую самобеглую коляску, похожую на ту... никем и никогда не виданную, поскольку ни чертежей, ни рисунков... Еще через какое-то время местная молодежь, которую, как сказал поэт, не задушишь, не убьешь, эту коляску изрядно... В конце концов раскуроченную коляску вернули владельцу, беседку убрали и решили на этом месте устроить фонтан. Когда стали рыть котлован под памятник, вдруг обнаружилось, что вместо фундамента, который должен был на три метра в глубину, вместо армированного бетона... жалкие обломки бетонной стяжки толщиной пять сантиметров и куски ржавой проволоки... четыреста с лишним тысяч бюджетных денег... Да мало ли на свете мест, куда могут подеваться бюджетные деньги. Особенно на нашем свете. И это не все. Оказалось, что нет в парке предусмотренных по смете арт-кафе, аттракционов, сувенирной лавки и туалета. Завели уголовное дело, и выяснилось, что деньги давно списаны, а подрядчик ~~Жорж~~ Видякин... Правду говоря, и дело-то не

хотели заводить, а подьячий Яранской воеводской канцелярии работники яранского УВД и вовсе пытались отказать в возбуждении... Впрочем, это уже современная история Яранска, до которой мы еще доберемся, а пока вернемся в Яранск восемнадцатого века.

В семьсот восьмидесятом году Яранск забрали у Казани и приписали к Вятскому наместничеству. Через год Яранску пожаловали герб, в нижней части которого «на голубом поле, две диких утки в знак того, что в окрестностях сего города сею птицею изобильно». Город стал перестраиваться по регулярному плану. Мало-помалу развивались, как сказали бы классики марксизма, производственные силы и производственные отношения, купцы торговали рожью, овсом, салом, рогожами, дегтем, пряниками, мылом и всем тем, чем торговали у нас купцы в восемнадцатом веке. Потомки городских казаков и стрельцов пахали землю, занимались извозом, бабы доили коров, вязали носки, пекли пироги с рыбой, которой тогда водилось в Ярани видимо-невидимо и рожали детишек. Воевод сменили городские головы и городничие, а подьячих – подканцеляристы, которых все равно по старой памяти называли подьячими, в присутственных местах стоял неистребимый запах кислой капусты, а от какого-нибудь заседателя пахло водкой так, будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода. Наверняка, если как следует покопаться в архивных документах того времени, то можно найти и дело об унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекла, и судью, бравшего взятки борзыми щенками.

К началу девятнадцатого века в Яранске проживало немногим менее тысячи жителей. В восемьсот семнадцатом году в городе появились два училища – уездное и приходское. Надо сказать, что тогда училища в уездных городах с неба не сваливались. Не выделялись, скажем, деньги из губернского бюджета на их строительство, не приезжали по распределению в уезд молодые специалисты, и не предоставлялись им льготы на обзаведение жильем и хозяйством. Город должен был сам найти деньги, приискать здание, найти учителей, оплатить их... Это с одной стороны, а с другой – маленький Яранск, в котором всего-то около тысячи жителей. Городского бюджета хватит... даже на школьную форму детям не хватит. Хорошо еще, что ее тогда не придумали. На открытие уездного училища деньги собирали всем миром – городничий дал почти девятьсот рублей, уездный исправник Наумов дал тысячу семьсот, еще один дворянин по фамилии Залесский дал тысячу, потом на собранные деньги исправник купил дом и нанял рабочих для того, чтобы его приспособить под учебное заведение, и только потом министр народного просвещения князь Голицын разрешил открыть в Яранске уездное училище. Приходское училище разместили в том же здании. Оно и удобно – сначала нужно было закончить приходское, а уж потом поступать в уездное.

В восемьсот тридцать первом году открылось почтовое отделение. С учетом того, что первые почтовые отделения в России стали открываться еще в восемнадцатом веке... С другой стороны, Яранск на тракте Москва – Санкт-Петербург не лежал, промышленности в нем, можно сказать, не было никакой, населения кот наплакал... Наверное, это было событием в Яранске. В самый первый день обмыли новый мундир почтмейстера и желтую кожаную сумку единственного яранского почтальона. Даже написали по такому случаю несколько писем друг дружке, сложили их в новую сумку, а весь второй день, мучаясь от похмелья, искали эту чертову сумку, которую подложил себе под голову уснувший мертвецким сном почтальон.

Через шесть лет после открытия почтового отделения в городе произошло событие, культурный масштаб которого трудно переоценить, – через Яранск во Владимир проехал, возвращаясь из ссылки, Герцен. Правда, собственно о Яранске он в «Былом и думах» почти ничего и не написал, кроме того, что «от Яранска дорога идет бесконечными сосновыми лесами»¹⁴, прибавил, что таких лесов он больше никогда не видел, да еще и в красках описал, как полупьяный исправник на выезде из Вятской губернии не давал лошадей и как потом от страха, который нагнал на него разбуженный декабристами Александр Иванович, униженно целовал ему руку. Мог бы, конечно, и написать что-

нибудь комплиментарное про Яранск. С другой стороны, хорошо, что проезжал Герцен, а не Салтыков-Щедрин или даже Чехов, который и вовсе мог аттестовать Яранск так, как какой-нибудь Томск, написав, что город и гроша медного не стоит, да еще и люди здесь прескучнейшие... грязь невылазная... на постоялом дворе горничная, подавая мне ложку, вытерла её о зад...

И ведь все это в Яранске, наверняка, было – и грязь невылазная, и уездная душная, пыльная скука, от которой дохли мухи, и постоялый двор, и неопрятная кухарка в засаленном фартуке, и ложка, и даже зад, о который она могла вытереть... Нет, хорошо, что он проехал сквозь Яранск почти не задерживаясь и не видя его, зато остались сосны, шедшие «мимо саней, как солдаты, высокие и покрытые снегом, из-под которого торчали их черные хвои, как щетина, – и заснешь, и опять проснешься, а полки сосен все идут быстрыми шагами, стряхивая иной раз снег»¹⁵, а не «лучший вид на этот город – если сесть в бомбардировщик».

Вернемся, однако, к производственным силам и производственным отношениям. К семидесятым годам позапрошлого столетия в Яранске, на дюжине улиц (на пяти продольных и пяти поперечных), проживало около трех тысяч жителей, из которых почти половина записались купцами и мещанами. Немногим менее трехсот человек были дворянами и чиновниками, и около двух сотен яраничей были записаны крестьянами. Яранское купечество в своих лавках, которых в городе насчитывалось около сотни, торговало в основном хлебом и сукном. В год Яранск поставлял на продажу до трехсот тысяч пудов хлеба и полтора миллиона аршин сукна. Прибыли были такие, что если бы складывать их в сундуки, то одних сундуков понадобилось бы... Деньги, однако, у яранских купцов в сундуках мертвым грузом не лежали – братья Носовы завели фабрику по производству серпов, купцы Соломин и Крутовских организовали производство спичек, а купец Булыгин реконструировал винокуренный завод. Вместе с фабриками появился в городе и пролетариат – четыреста ремесленников и заводских рабочих. Они, конечно, больше походили на сезонных рабочих, поскольку летом пахали землю, сеяли хлеб и убрали урожай, а начиная с осени, становились к станкам на фабриках.

Что касается событий городской жизни... Какие могут быть события в городе, в который ссылают то царского дядю, то царскую невесту, то опальных князей, то пленных шведов, то пленных французов... Во второй половине шестидесятых годов в Яранск и уезд прибыли ссыльные поляки, принимавшие участие в восстании шестьдесят третьего года на территории Царства Польского. Как только восстание началось – так сразу в Вятскую губернию ссыльных поляков и повезли. В Яранском уезде поселили почти сорок человек – мещан, дворян и ксендзов. Стали они (мещане, дворяне и ксендзы) жить-поживать и добра наживать. Поначалу так поживали и так наживали, что чуть с голоду не померли. Полагались им от правительства небольшие кормовые деньги, которые власти бессовестно задерживали. Некоторые ссыльные и вовсе их не получали. Жить было негде. Находили временные пристанища в чужих банях, откуда не очень гостеприимные яраничи выгоняли их палками. Может, конечно, и не палками, а голыми руками и обутыми в лапти и сапоги ногами, но поляки писали именно про палки в письме жившему в Вятке католическому епископу Красинскому. Кое-кто решился даже нарушить закон, чтобы попасть в арестантские роты и иметь гарантированный кусок хлеба и крышу над головой. Ссыльные, понятное дело, жаловались. Власти, понятное дело, не реагировали. Со временем часть ссыльных за хорошее поведение стали от надзора освобождать, и они сумели открыть свои трактиры, гостиницы и лавки. Некоторые даже женились, предварительно приняв для этого православие. Некоторым, однако, жениться не удалось, потому как выяснилось, что в Польше у них уже есть жены. Через четыре года, по указу, сосланным в административном порядке и не замеченным ни в чем предосудительном разрешалось вернуться домой, в Царство Польское. Больше половины ссыльных этим указом воспользовались. Потом были еще указы, приуроченные ко дню рождения великого князя Георгия Александровича и ко дню бракосочетания великой княжны Марии

Александровны, по которым ссыльных освобождали от надзора, разрешали поступать на государственную службу и селиться везде на территории России без ограничений. Ну, раз на всей территории... К концу девятнадцатого века почти все ссыльные и уехали. Осталось только несколько могил на кладбище села Макарье Яранского уезда.

В семьдесят шестом году в Яранск пришла холера. Гласные городской Думы, среди прочих мер борьбы с эпидемией, предложили местному священству с иконами всех церквей обойти город Крестным ходом. Обошли и отслужили молебен об избавлении от глада, губительства, труса, огня, меча, нашествия иноплеменников и междоусобных брани.

Были еще два клуба – купеческий и дворянский. Были кабаки и пивные. Были свадьбы и похороны. Были скандалы и сплетни. Наконец, чтобы не помереть от тоски и не спиться, можно было просто набить кому-нибудь... Нет, так читатель подумает, что яраничи жили как медведи в берлогах, а они не жили и медведями не были. Зимой, случалось, и впадали в спячку, но, во-первых, не каждый год, а только в урожайный, когда можно было накопить подкожные запасы жира, а, во-вторых, сколько их было в Вятской губернии – этих урожайных годов... Ну, да мы не о том. Между прочим, к тому времени, как в Яранск и уезд нагрянула холера, в Яранске вместо повивальных бабок уже были акушерки с жалованьем триста рублей в год, старшим и младшим фельдшерам увеличили жалованье, работала больница, в которой деревянные кровати заменили на железные, имелись библиотечки для чтения, а всех, возвращавшихся с отхожих промыслов, подвергали обязательному медицинскому освидетельствованию, потому как в уезде к холере прибавился и сифилис... Нет, так еще хуже. Лучше уж о народном образовании.

В апреле шестьдесят шестого года яранское городское общество постановило учредить в городе женское приходское училище и назвать его в честь Осипа Комиссарова-Костромского – того самого, который отвел руку Каракозова, покушавшегося на Александра Второго. Вернее, сначала, после покушения, яраничи отслужили благодарственный молебен за чудесное спасение императора, потом собрались в городской ратуше, собрали двести с лишним рублей на погашение долгов беднейших мещан, потом постановили открыть училище, для чего было испрашено Высочайшее соизволение, а через год, когда соизволение было получено, училище было открыто. Надо сказать, что даже в глухом углу Яранского уезда, в селе с еще более глухим названием Кундыш-Мучакш волостной сход постановил открыть школу и назвать ее Комиссаровской.

В Яранске самым большим энтузиастом открытия приходского училища был исправник Николай Никитич Антюков – он стоял первым в списке тех, кто подписал общественный приговор об учреждении училища, и уже после него подписались городской голова Бебенин, командир 57 резервного пехотного батальона подполковник Измаильский, уездный судья Мусерский, протоиерей Добровольский, лесничий подпоручик Сунгуров и еще один протоиерей Кувшинский¹⁶. Вятские губернские ведомости писали: «при торжестве открытия находились члены училищного комитета, местные должностные лица и многие из граждан. В день открытия явилось желающих обучаться до сорока девиц»¹⁷. Платить за обучение нужно было по два рубля серебром в год. Бедные и неимущие девицы обучались бесплатно. Денег на содержание училищ город выделял немного – четыреста рублей в год, и потому, чтобы за пределы этих сумм никак не выйти, учителя других яранских училищ согласились преподавать в нем бесплатно. Кстати, о других яранских училищах. На рубеже прошлого и позапрошлого веков в Яранске было не одно и не два учебных заведения, а целых восемь – женская¹⁸ и мужская гимназии, земская ремесленная мастерская, где обучались мальчики, духовное мужское училище, городское третьеклассное мужское начальное училище, земское начальное женское училище и две церковно-приходских школы. Грамотных в городе было больше половины. К ноябрю семнадцатого года в городе была уже дюжина учебных заведений, в которых можно было получить и начальное, и среднее, и специальное

образование. И эта дюжина учебных заведений приходилась на пять тысяч горожан. Большевики с их ликбезом не то чтобы опоздали... Впрочем, до большевиков мы еще доберемся.

Не прошло и десяти лет со дня открытия училища, как в нем училось уже сто пятьдесят девочек разных сословий. К тому времени училище уже называлось прогимназией. Кроме преподавания обычных предметов вроде русского языка и арифметики, девочек учили шить платья, вышивать по тюлю и даже тачать обувь. Неимущие и сироты по-прежнему за свое обучение денег не платили. Более того, для них были учреждены стипендии. В семьдесят пятом году таких стипендиатов была дюжина. Если на все это смотреть, к примеру, с московской колокольни, то... и не увидеть ничего, а если вспомнить, что в Яранске жителей к тому времени было около трех тысяч, что при всей торговле хлебом, сукном, серпами и спичками городского бюджета не хватало даже на устройство водопровода, не говоря о канализации – тогда эти сто пятьдесят девочек и дюжина стипендий будут смотреться совсем по-другому.

И снова о ссыльных. В январе семьдесят шестого года в Яранск переводят отбывающего восьмилетнюю ссылку в Вятской губернии книгоиздателя Флорентия Федоровича Павленкова. Павленков был из тех людей, не могущих сидеть без дела даже в ссылке. С помощью местного земства он пытался пропагандировать идею передвижных школ, которые с помощью составленной им «Наглядной азбуки» могли бы обучать грамоте не только крестьянских детей, но и взрослых, переезжая из одной деревни в другую. Уездные земские деятели, у которых за спиной стоял Флорентий Федорович, даже издали в Вятке брошюру, посвященную передвижным школам. В Яранске Павленков начал работать над памятной книжкой о Вятской губернии. Называлась она «Вятская незабудка». Ее-то уж точно никто бы не разрешил бы печатать в Вятке, поскольку досталось в ней и Вятской губернии, и яранским властям. Одна из статей «Вятской незабудки» так и называлась – «Яранские башибузуки». Досталось и яранскому прокурору Синявину, про которого было сказано, что он даже сморкается с апломбом, досталось и распускающим руки местным полицейским чинам, и уездному врачу Шнейдеру, получавшему тройное жалованье за уездного, больничного и участкового врачей, досталось и уездному земству, не заботящемуся о развитии народного образования. Напечатали «Вятскую незабудку» в Петербурге. Кончилось все тем, что уже в ноябре семьдесят шестого года вятский губернатор, «находя участие Павленкова в делах Яранского земства крайне вредным»²⁰, переводит его в Вятку под свой личный надзор. Эксперименты по созданию передвижных школ в Вятской губернии были прекращены, «Наглядную азбуку» из местных библиотек изъяли, а вот «Вятскую незабудку» власти, мягко говоря, проморгали. Кабинет министров ее запретил лишь тогда, когда первые два выпуска уже были напечатаны и проданы. Зато третий был почти полностью изъят и уничтожен.

Как известно, Павленков все свое состояние завещал на устройство народных библиотек в деревнях и селах Российской империи. В Яранском уезде в девятьсот седьмом году открылось пятнадцать народных библиотек. До семнадцатого года все эти библиотеки пополнялись, а после него часть библиотек прекратила свое существование сразу из-за отсутствия финансирования, часть была преобразована в избы-читальни, часть расформировали в тридцатых... Сейчас в Яранском районе работают четыре сельских библиотеки, открытые на средства Флорентия Федоровича Павленкова²⁰.

И последнее о Павленкове и Яранске. Флорентий Федорович любил повторять две строчки из «Тамбовской казначейши» Лермонтова: «Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда...» заменив при этом Тамбов на Яранск.

Раз уж зашла речь о библиотеках, то стоит рассказать о яранском купце Федоре Яковлевиче Рошине. В восемьсот восемьдесят девятом году, когда в Яранске стала создаваться публичная библиотека, он купил у одного жителя города домашнюю библиотеку и передал ее в дар городской. Еще и выписывал для библиотеки газету

«Русское слово». Со стороны посмотреть – ничего удивительного. Купец второй гильдии Рошин имел полумиллионное состояние. Почему бы и не помочь городской библиотеке. Удивительное в том, что Рошин, который к тому же был акционером книгоиздательского «Товарищества И.Д. Сытина», ни читать, ни писать не умел. Даже расписаться не мог. Вообще Федор Яковлевич был человеком щедрым – состоял попечителем одного из земских училищ, помогал учащимся, дал денег на постройку городского приходского училища, в неурожайный девяносто первый год купил на стороне хлеб и продавал его в городе и уезде по низкой цене, а уж на постройку городского водопровода в девятьсот одиннадцатом году пожертвовал и вовсе десять тысяч. Удивительное не в том, что богатый купец был меценатом. Удивительное в том, что в Яранске имелись купцы куда богаче Рошина, а вот таких как он, которые давали денег и на библиотеку, и на земское училище, и на стипендии, и на водопровод...

Чаще всего богатые яранские купцы давали денег на храмы. К примеру, на деньги купца первой гильдии Носова был построен по проекту архитектора Тона Троицкий собор. ~~Такой же некрасивый, как и храм Христа Спасителя в Москве.~~ Правда, колокол в триста с лишним пудов весом собору подарил Рошин. Вдова купца Беляева перед смертью в восемьсот девяносто пятом году завещала больше ста тысяч десятин земли на устройство монастыря около Яранска. Вдова купца Бебенина все деньги покойного мужа вложила в строительство женского монастыря. Купец Унженин, в девятьсот десятом году избранный городским головой... нет, монастырь он не строил, а вместо этого завел в городе керосино-калильные фонари, которые освещали улицы даже лучше, чем тогдашние электрические, сделал все, чтобы решить вопрос с водопроводом, сам пожертвовал на его строительство тысячу рублей, собрался приобрести пожарной команде паровую машину, построить народный дом, содержал на свои деньги в городском саду духовой оркестр, привел в порядок и сам городской сад, но... застрелился. Поговаривали, что нашел переписку жены с любовником и... Теперь уж и не узнать – правда или нет.

Кстати, об оркестре. Вернее, о музыкальной жизни Яранска. Она не просто была. Она кипела и пенилась. Выступал хор женской гимназии, в котором солировал местный нотариус и студенты духовной семинарии. На концертах, организованных преподавателем пения женской и мужской гимназий Пинегиным, играл струнный оркестр под руководством инженера-технолога Кузнецова. Каждую неделю собирался струнный квартет. Из села Кикнур за пятьдесят километров приезжал тамошний земский начальник Васнецов (кстати, племянник художника Васнецова) со своей виолончелью принимать участие в концертах. Ставили фрагменты опер «Иван Сусанин», «Снегурочка» и «Майская ночь». И все это в Яранске, который, как любил говорить Павленков, на карте генеральной кружком означен не... да каким кружком – хорошо если точкой средней упитанности. Летом двадцать первого года преподаватели яранской музыкальной школы поставили силами местных любителей музыки «Фауста» Гуно. Пять раз опера шла при полном зале. Мало того, вся улица перед домом, где шел спектакль, была полна народу, поскольку окна были из-за жары открыты. И все это в двадцать первом году. В уезде тиф и голод. Ели лебеду и глину... Вот теперь уж точно надо про большевиков.

Они появились в городе и уезде еще в шестидесятых годах девятнадцатого века. Не по своей воле, конечно, они сюда приезжали. Уже в семьдесят девятом году в Яранске проживало два десятка политических ссыльных. Одним из самых известных был Леонид Петрович Радин. Тот самый Радин, который написал и музыку и слова к песне «Смело, товарищи, в ногу!». Вообще-то Радин был способным химиком и даже делал дипломную работу у самого Менделеева, но Дмитрий Иванович предложил своему дипломнику заниматься проблемами винокурения (может потому, что отец Радина владел винокуренным заводом), а тому интереснее было заниматься совсем другим. Он приспособил американский мимеограф для печатания подпольной литературы, и так успешно ее печатал, так успешно распространял напечатанные листовки среди рабочих, что сначала попал в Таганскую тюрьму, а через два года, в девяносто шестом, отправился

под гласный надзор полиции в Яранск. Вместе с песней, которую он сочинил в Таганской тюрьме. В Яранске Радин написал статью «Объективизм в искусстве и критике», стихотворное завещание товарищам по революционной борьбе и письмо к властям, в котором просил разрешения переехать в Ялту в связи с обострением туберкулеза. Власти полгода думали и разрешили. Переехать в Ялту Радин успел, а пожить там нет, поскольку умер в тот же год.

Все же руководителем яранских социал-демократов был не он, а Иосиф Федорович Дубровинский, сосланный в Яранск в девяносто девятом году. Этот стихов и статей об искусстве не писал, зато был, как когда-то говорили, видным деятелем коммунистического и рабочего движения – руководителем московского «Рабочего союза» и членом московского комитета РСДРП. Общего у них с Радиным было лишь то, что оба болели туберкулезом. Ему через два года жизни в Яранске тоже разрешили переселиться южнее – в Астрахань. Дубровинский после Яранска прожил еще тринадцать лет и утонул в Енисее. Там он тоже, понятное дело, оказался не по своей воле, а в ссылке.

Ссылка в Яранске, конечно, медом не была. От правительства в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков полагались ссыльным кормовые деньги – рубль двадцать в месяц на человека. Да и сам Яранск к ним поворачивался другой стороной – совсем не той, которая устраивала музыкальные концерты и ставила спектакли по пьесам Островского. В девятьсот четвертом году пьяный жандарм, встретив на улице политического ссыльного Иванова, отрубил у него шашкой ухо. Просто так отрубил. То ли Иванов на него косо посмотрел, то ли жандарм с самого утра ходил косоj...

Кстати, о кормовых деньгах. Цены на пропитание в Яранске тогда были очень умеренными. К примеру, фунт ржаного хлеба стоил две копейки, фунт белого – пятак, а фунт мяса не дороже гривенника. Фунт соли и вовсе обходился в копейку, но сахар был дорог – его фунт стоил шестнадцать копеек. Ровно столько стоил в месяц налог на велосипед, которых в городе перед первой мировой войной было полсотни. Между прочим, был в Яранске и свой изобретатель велосипеда – каретных дел мастер Яков Санников. Первый велосипед Санников изготовил в восемьсот восемьдесят девятом году. Был он тяжелым и неудобным, но зато первым велосипедом в Вятской губернии. Вряд ли крестьянин Санников читал технические журналы и знал о конструкциях других велосипедов. Скорее всего, свой велосипед он выдумал из головы. Три года Санников на нем катался по улицам города, распугивая кур, гусей и свиней. Кстати, о свиньях. В 1915 году в Яранске была штрафная стоянка для бродячих свиней, которых, чтобы они не бродили по улицам, не валялись в лужах и не портили городские клумбы, отводили в городской загон и там содержали, пока за ними не придут хозяева. Там свиней даже кормили. Не так, как дома, конечно, без горячего, но все же. Штраф за свинью, оказавшуюся без присмотра, был целых пять рублей²¹. Немалые, между прочим, деньги.

И еще про велосипед Санникова. Он сохранился и теперь украшает собой один из залов яранского краеведческого музея. Ободы и ступицы у велосипеда дубовые, а все остальное из толстого и неподъемного железа. Цепи нет, хотя она к тому времени уже была в Англии изобретена, и педали прикреплены к огромному переднему колесу. Шин тоже нет. На весь велосипед наберется десяток деталей, не больше. Однако же яранские школьники написали о нем не один десяток рефератов.

Надо сказать, что Яранск на рубеже веков был вполне современным, по тогдашним меркам, уездным городом – был в городе и телеграф, и телефон. В девятьсот седьмом году появился кинотеатр, в девятьсот тринадцатом – водопровод, а первое электричество в домах – в шестнадцатом. Что касается дорог, то их, конечно, ремонтировали, но... В пятнадцатом году один крестьянин подал в суд на Городскую думу за то, что его лошадь сломала ногу на улице Яранска. Не то удивительно, что подал, а то, что выиграл дело, и Дума ему выплатила по суду девяносто рублей²².

Кстати, о яранской Городской Думе. В девятьсот одиннадцатом году думские гласные решили организовать в Яранске производство бетона. Для этого члены городской

управы поехали учиться в Москву и Подмоскowie. Целый месяц учились. Не то удивительно, что учились, а то, что ездили учиться за свой счет, понимая, что в городском бюджете на эту учебу денег нет.

Проведение через Яранск железной дороги было одной из самых главных забот Городской Думы. К кому только гласные Думы не обращались по этому вопросу. Ездили в Вятку, в Москву, в Петербург, писали докладные записки директору Департамента по сооружению железных дорог, Главноуправляющему Земледелием и Землеустройством, министру торговли и промышленности, министру внутренних дел, министру путей сообщения, министру финансов. Какие только доказательства необходимости проведения железной дороги через Яранск не приводили – и то, что грузооборот города достигает более тридцати миллионов пудов в год и все эти грузы привозятся и увозятся гужевым транспортом, что Яранск является центром самых хлебородных областей Вятской губернии, что сам Николай Второй собирается посетить Яранск – место ссылки Василия Никитича Романова, но только после того, как через город пройдет железная дорога. Так царь говорил или не так – неизвестно, но так передал его слова министру путей сообщения уроженец Яранска и депутат Четвертой Государственной думы от Вятской губернии Стародумов. Мечтали о том, что Яранск будет узловой станцией и от него пойдет ветка на Казань, на Нижний, а уж от Нижнего в Москву и даже в Петербург. Уже и министр путей сообщения распорядился начать изыскательские работы на трассе от Казани до Яранска, но... началась война с Японией, и стало не до железных дорог. Потом наступил девятьсот пятый год, и снова стало не до железной дороги.

Впрочем, все это было уже после начала Первой мировой войны, и Николаю Второму, равно как и министру путей сообщения, было совсем не до строительства железных дорог. Железной дороги пришлось ждать Яранску еще долго – лишь в семидесятом году началось регулярное пассажирское и грузовое движение по ветке до Йошкар-Олы.

Вернемся, однако, в девятьсот пятый год. Беспорядки, которые большевики потом называли первой русской революцией, затронули и Яранск. Волновались и крестьяне в уезде, и рабочие спичечной фабрики, и местная интеллигенция. Штат местной полиции в городе с населением пять тысяч был увеличен до двухсот человек, не считая сотни казаков и эскадрона драгун, присланных успокаивать шашками и нагайками волновавшихся. Городская тюрьма в девятьсот седьмом году была переполнена. За участие в беспорядках за пределы губернии выслали преподавателя женской гимназии, земского врача и секретаря земской управы.

Февраль семнадцатого прошел в Яранске так же, как и во многих других небольших уездных городах – походили с флагами, попели революционные песни, поговорили на митингах вслух о том, о чем раньше шептались, помечтали о небе в алмазах и разошлись. В начале марта создали «Комитет общественной безопасности». Заседали в Комитете большей частью кадеты. Комиссаром Временного правительства в Яранске стал председатель земской управы купец Родигин. Большевиков в Яранске никто не ждал, а они приехали – отряд балтийских матросов под командой Сергея Черепанова – участника штурма Зимнего и уроженца Яранского уезда, присланного из Петрограда устанавливать Советскую власть. То есть сначала Черепанов приехал один, заявился на заседание городского Комитета общественной безопасности и хотел обрадовать всех заявлением о том, что приехал помогать рабочим и крестьянам организовывать новую власть, но... не обрадовал и был вынужден быстро уехать в соседний Котельнич. Вернулся он оттуда в конце декабря семнадцатого года с пятнадцатью балтийскими головорезами, от которых, между прочим, соседнему Котельничу уже не было никакой жизни. И начали Черепанов с матросами устанавливать советскую власть в Яранске... Сценарий установления был типовым – образовали городской совет, приказали местной буржуазии выплатить контрибуцию (и она ее немедленно выплатила, потому, что уже поняла, что с большевиками шутки плохи), открыли городскую тюрьму и выпустили

оттуда заключенных. После того как балтийских матросов отозвали подавлять восстание какого-то полка в Вятке, организовали отряд красной гвардии в сто человек (в который записались те, кто надеялись улучшить свое материальное и социальное положение), созвали уездный съезд Советов и... уже третьего марта восемнадцатого года толпы возмущенных новой властью горожан осадили дом, в котором помещался уездный исполком и комитет партии большевиков. Члены исполкома мгновенно разбежались, и у власти остался комиссар отряда красноармейцев матрос Чупраков, который, к сожалению, не растерялся, вызвал подмогу из Вятки и жестоко подавил беспорядки. Уже к середине марта все было кончено. После того как власть пришла в себя от испуга, все продолжилось – и продразверстка, и репрессии. Хватали крестьян, сажали в тюрьму и запугивали их, устраивая сцены расстрелов. Крестьяне платили новой власти той же монетой – при малейшей возможности убивали дружинников из продотрядов. Яранские чекисты докладывали туда, куда следует, в мае восемнадцатого: «Ни в коем случае нельзя сказать, чтобы деревня была близка к коммунизму. На партию коммунистов смотрят как на что-то большое и опасное»²³.

В том же мае восемнадцатого яранская уездная газета «Крестьянин-коммунист» пишет: «4 мая должен быть поставлен спектакль... драматической секции. Большая часть билетов была распродана, но спектакль не состоялся. Товарищ Помосова не желает играть потому, что ей не нравится пьеса. Нужно давно обратить серьезное внимание на таких культурных работников и без жалости выбрасывать их из своих рядов. В этот переживаемый момент капризы можно было бы оставить и постараться превратить театр в средство и оружие борьбы трудящихся с их угнетателями. Не доросли до этого понимания такие, как тов. Помосова, или, вернее, не хотят понять»²⁴. Война войной, а культурная жизнь в Яранске была по расписанию.

Через три месяца, в середине августа, в Яранске ждали, что вот-вот придут белые – или чехи, или сам Колчак. С таким нетерпением ждали, что местные офицеры арестовали членов уездного исполкома. Уже в церквях служили благодарственные молебны, уже послали занявшим Уржум колчаковцам телеграмму о том, что в Яранске восстание, но... никто не пришел. Красные Колчака от Уржума отогнали, да и чехам было не до того.

Зимой двадцать первого года снова ждали, что Советской власти придет конец. Надеялись на Кронштадтское восстание. Ходили слухи, что Петроград уже перешел в руки восставших матросов. Конец Советской власти так и не пришел, но вместо него пришел голод. Летом случилась засуха, а потом неурожай. Ели сушеную картофельную ботву и лебеду, из которой пекли колобки. Не лебеду добавляли в муку, а пекли из одной лебеды. Муки давно не было. В Уржумском уезде издавна добывали жирную белую глину, и кто-то пустил слух, что эта глина – окаменевший хлеб. Целыми деревнями шли добывать эту глину. К трем частям глины прибавляли две части овсяного размола и ели. Умирили от такой еды сотнями. Выкапывали падаль на кладбищах скота, если солому с крыш, липовые опилки, березовые ветки. Те, кто смог дожить до весны, ели крапиву, лебеду и клевер. Многие уходили семьями в Вологодскую область и в Сибирь. Власть изъяли в Яранске и уезде церковного серебра на полтора миллиарда тогдашних рублей и отослали его в Вятку, чтобы купить на них хлеба. На эти деньги можно было купить тридцать одну тысячу пудов муки. Из Вятки прислали три тысячи семьсот пудов. Тем голодным летом двадцать первого года местные любители музыки ставили оперу «Фауст» и шла она в Яранске при полных залах пять раз.

После гражданской войны начали восстанавливать в городе и уезде теперь уже народное хозяйство. На окрестные поля приехали первые тракторы, на нескольких улицах сделали мостовые из деревянных торцов, губсовнархоз выделил Яранску немецкую газогенераторную станцию с динамо-машиной, и появились на перекрестках электрические фонари, осветились школы, больница, часть домов и предприятий. Кстати, о предприятиях. В одном из залов яранского краеведческого музея стоит, прислоненный к батарее, прямоугольный стенд, обтянутый когда-то красной, а теперь уже светло-

коричневой тканью. На ткани под девизом об объединении пролетариев всех стран написано большими золотыми буквами «Вождю трудящихся масс Р.К.П. от рабочих серпфабрик яранской организации Вятгубсоюза». Справа и слева эту надпись окружают два уже немного заржавевших серпа. На левом выгравировано «Умер Ленин, но жив ленинизм», а на правом: «Клянемся осуществить его заветы». Под надписью нарисован советский герб, а к земному шару почти незаметными проволочками прикреплены маленький, почти игрушечный серп и такой же детский молоток. Видели бы эти серпы, эти надписи, этот герб и эту золотую пятиконечную звезду братья Носовы, основавшие фабрику...

Можно еще долго рассказывать о создании сапожных, мыловаренных и портновских артелей, о прилете в Яранск первого самолета в тридцать шестом году, об открытии первой радиостанции, школ-коммун, детского сада, о наступлении на трахому, которой почти поголовно болели марийцы, о том, как в двадцать втором году первая яранская сборная по футболу, чтобы сыграть со сборной губернии, пешком пришла из Яранска в Вятку, пройдя более двухсот верст, о том, как она ходила еще раз, но мы этого делать не станем. И артели, и школы-коммуны, и первые тракторы, и детские сады, и наступление на трахому, тиф, рахит – все это было не только в Яранске, а вот ассоциации крестьянских писателей были далеко не в каждом уездном городе.

Состояло в яранской писательской организации около тридцати членов. Правда, некоторые из них имели всего по четыре класса образования. Руководил ими яранский поэт Семен Большаков, взявший себе псевдоним Электрохлебный. Эта ассоциация в двадцать девятом году выпустила иллюстрированный альманах «Первая зелень» со стихами местных поэтов и прозаиков. Авторы альманаха живописали новый коллективный быт, коллективизацию, приравнивали, как могли, перо к штыку и этот штык вонзали в кулаков, попов и недобитую буржуазию, рифмовали рабочую массу с рабочим классом, кулака с толстяком и молотилку с потребилкой. С буржуазией, кстати, поэт Кудрявцев и вовсе обещал расправиться голыми руками. В стихотворении «Союз велик смычкой» он писал «Зарычат буржуи – вырвем им кадык»²⁵. Антирелигиозное стихотворение поэта Рокиной называлось «О погибшем священном осле». Сам Электрохлебный написал стихотворение «Быку и корове песнь моя», в котором рифмовал быка с молоком.

Был в Яранском уезде еще один поэт. Звали его Григорий Чесноков. Он прославился тем, что написал продолжение к поэме Демьяна Бедного «Новый завет без изъяна от Евангелиста Демьяна». В Москве ходил в списках «Ответ Демьяну Бедному», авторство которого приписывали Сергею Есенину, но это был, как говорится, другой Юрий Милославский из Яранского уезда. Стихотворение Чеснокова «Про мужика Ивана Богомольного, про озорника Степана Комсомольного и про новый завет без изъяна евангелиста Демьяна (Комсомольская деревенская быль)» было напечатано не в альманахе «Первая зелень», а во всесоюзной газете «Беднота». Демьяну Бедному стихотворение понравилось, и он послал автору письмо, в котором, среди прочего, писал: «Очень хороший сюжет, да еще касается моего завета». Оканчивалось письмо словами: «С высылкой гонорара редакцию потороплю. Какого пока секрет, но достаточного, чтобы купить хорошую корову. Назовите ее Демьянихой. Пусть Ваши ребятишки, если они есть у Вас, вспоминают меня парным молоком»²⁶.

И это не все о двадцатых и тридцатых в Яранске. Еще раскулачивали, обвиняли в шпионаже, вредительстве, антисоветской пропаганде, в том, что скрыли кулацкое происхождение, крестьян-единоличников, колхозников, рабочих, красноармейцев, домохозяек, священников, ссылали на спецпоселение в Архангельскую область, расстреливали и отправляли в лагеря. Среди расстрелянных в тридцать седьмом году по приговорам троек был яранский епископ Нектарий (Нестор Трезвинский), который уже в лагере, на допросе, сказал: «Для меня лестно и горжусь тем, что меня командование лагеря не считает расположенным к Советской власти, ибо для меня было бы хуже

смерти, если бы представители НКВД считали: Епископ Нектарий Трезвинский теперь уже наш человек»²⁷.

Потом была война, потом делали для фронта лыжи, сани, лодки, болванки автоматных прикладов, шили белье, меховые рукавицы, тачали сапоги, варили мыло, выпускали помазки для бритвы, сапожные щетки, деревянные гребешки, брючные крючки и петли к ним, собирали теплые вещи, продукты, приютили детский дом из Ленинградской области, Кировский педагогический институт, сотни семей эвакуированных из оккупированных областей²⁸, открыли интернат для инвалидов войны. На фронт отправляли продуктовые посылки с мукой, сливочным маслом, мясом, сдобными сухарями, свиным салом, птицей, медом и луком. Землю пахали на быках. Лошади от бескормицы к весне худели так, что в стойлах висели на веревках, и чтобы они не падали во время пахоты, по бокам к оглоблям ставили пристяжными женщин и подростков. У крестьян работа в колхозе начиналась в четыре утра и заканчивалась не раньше девяти вечера. Только после этого можно было работать на своих участках. Из невыбранной осенью картошки вымывали крахмал, который отстаивали, сушили и добавляли во все блюда. Какие там были блюда... съедобные ростки полевого хвоща, щавель, лебеда, сжатая по обочинам дорог, лесная малина, клеверные каши, молодые побеги сосен и елок. Дети ловили решетом пескарей. Мыло было для фронта, а сами мылись настоем золы в кипятке в лучшем случае раз в месяц. Школе дали гектар земли, учителя и ученики его засеяли ячменем, собранный ячмень смололи и полученную муку заваривали кипятком. Этим и питались. Школьники писали домашние задания в старых книгах между строк чернилами, сделанными из сажи или свеклы. В начале каждого года в деревни приходили налоговые агенты и подписывали всех на государственный заем. Денег не было почти ни у кого. Кто-то уходил из дому на это время, кто-то прятался, а кто-то продавал выращенное на своем участке, и этими деньгами расплачивался. Начиная с сорок третьего, засевали дополнительные поля для оказания помощи освобожденным районам.

Потом война кончилась. Построили кинотеатр «Россия», проложили асфальтовую дорогу в Йошкар-Олу, потом, уже в семидесятом, туда же железную, наконец электрифицировали район, заработал мясокомбинат, комбинат хлебопродуктов, построили один из самых крупных элеваторов в России, ликеро-водочный завод выпускал абрикосовую, рябиновую на коньяке, черничную, клюквенную... полтора десятка самых разных настоек, наливок и водок, которые теперь можно найти только в витрине яранского краеведческого музея, птицефабрика ...

Кстати, о птицефабрике. В шестьдесят шестом году птичница местной птицефабрики Валентина Ивановна Шалагина смогла получить от своих кур по две сотни яиц в год. За это достижение ей присвоили звание Героя Социалистического труда. Еще бы не присвоить, если у всех остальных куры в те времена давали около восьмидесяти яиц в год. Теперь-то даже самая обычная курица дает по три сотни яиц в год, а куры некоторых пород по три с половиной сотни яиц, а то и больше. Яранская птицефабрика до сих пор существует. У тамошних птичниц бегает по двору более полумиллиона кур. Средняя яйценоскость, как написано на сайте птицефабрики, 80,4 яйца в год. Может, там темпоральная дыра или омут, как любят выражаться фантасты, и в этом омуте до сих пор живут и несутся советские куры.

...с местного аэродрома самолетом можно было долететь в Киров, яранский народный театр ставил новые спектакли, построили школу искусств, швейная фабрика шила рабочую одежду, телогрейки, рукавицы, в шестидесятых годах энтузиастами был организован в городе народный университет, в котором местные и приглашенные лекторы читали лекции на самые различные темы – экономические, международные, о музыке, о живописи и о...

Кстати, об университете. Среди лекционных тем были, конечно, и необходимые вроде «О красоте коммунистической морали» и прочие в том же духе, но более всего

заинтересовала меня лекция на тему «Как и о чем мечтать». Теперь таких лекций не услышишь. Нынешней власти наплевать, как и о чем мы мечтаем, а тогда партия и правительство в своей неустанной заботе о советских людях доходили даже до таких, можно сказать, нематериальных тонкостей нашей жизни.

...механический завод ремонтировал тракторные двигатели, выпускал зерноочистительные машины, молокозавод выпускал творог, йогурты, сладкосливочное масло, кефир обычный и кефир «Снежок» ... Как хотите, но шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые если и не были золотым веком Яранска, то уж по крайней мере серебряным и может быть даже позолоченным.

Потом, в девяностых, позолота стала облезать, и под ней оказалось не серебро и даже не бронза, а ржавое железо. Стали яранские предприятия одно за другим чахнуть. Зарплату не платили месяцами и даже годами. Механический завод освоил производство водогрейных котлов, ремонт легковых машин и даже ритуальных чугунных комплектов, состоящих из крестов, тумб, оградок и цветочниц... Не помогло.

В довершение ко всем бедам, уже в нынешнем веке объявился в городе один кировский бизнесмен – выпускник высшей школы КГБ и юрист-правовед, в самом начале своей карьеры работавший в Германии. Выпускник школы КГБ, работавший в Германии, это, понятное дело, совсем не то, что выпускник пединститута, всю жизнь проработавший в Йошкар-Оле. Скупил он задешево и яранский комбинат хлебопродуктов, и спиртоводочный завод, и молокозавод, и... буквально за пару лет разорил их подчистую. Набрал больше ста миллионов кредитных денег, якобы на развитие производства, перевел их на какие-то левые счета... Еще и украл тридцать автоцистерн спирта почти на семьдесят миллионов. Удивительно, конечно, не то, что разорил предприятия и оставил людей без работы, а то, что получил за все свои художества девять лет колонии общего режима. Правда, оштрафовали его всего на миллион, а не на ту сумму, что он украл, правда, через два года он уже вышел на свободу, поскольку примерно себя вел в заключении.

В двенадцатом году, когда без работы осталась большая часть работоспособного населения города, жители Яранска собрались в одном из городских парков и записали коллективное видеообращение к президенту, должность которого тогда временно исполнял Медведев. На колени они еще не становились, поскольку тогда это было еще не принято, а вместо того, чтобы умолять, требовали навести порядок и хором скандировали, что хотят жить в Яранске, а не уезжать в поисках работы в другие города. Какой-то древний старик с длинной седой бородой даже спрашивал строгим голосом Медведева, когда он наведет порядок в стране. К видеообращению приложили письмо с двумя тысячами подписей. В ответ на это обращение... Сами догадаетесь, что Медведев ответил жителям Яранска. От отчаяния стали собирать подписи за проведение референдума о выходе Яранска из состава Кировской области и присоединении к республике Марий Эл. Не собрали, а хоть бы и собрали...

– Чем вы живете? – спросил я в яранском краеведческом музее.

– Ничем, – отвечали мне. – В городе работы нет. Мужчины едут в Москву, Петербург, Нижний, Казань и там работают в охране на строительстве и везде, где могут устроиться. Средняя зарплата в Яранске немногим меньше средней московской пенсии. Еще и походи найди себе работу на такие деньги. В школах, на почте, в администрации и магазинах все места заняты. Зато летом грибов много, ягоды, рыбалка, охота и огороды. Еще и народный театр работает. Ему уже почти шестьдесят, но на пенсию он не собирается. Особенно теперь²⁹.

¹Видимо, от тех марийских времен остался маленький, размером с месячного котенка, деревянный божок с треугольной головой и треугольным носом, тонкими

ручками, прижатými к цилиндрическому тельцу, и разными глазами – один щелочкой, а второй прямоугольником. Я пишу, видимо, потому, что никто не знает, сколько этому божку лет. Принесли его в музей яраничи в пятидесятых годах, и с тех пор сотрудники музея так и гадают о его возрасте, поскольку денег на определение радиоуглеродным или любым другим методом у музея нет и вряд ли в ближайшем будущем они могут найтись. Хотя... судя по отрешенному взгляду этого деревянного кумира, лет ему никак не меньше тысячи.

²Цит. по: Низов В.В. Город Яранск в конце XVI – начале XVII века // Наш край. Вып. 4. Яранск, 2000. С.50.

³Там же. С.51-52.

⁴Цит. по: Любушкина Л. В. От века к веку // Яранск вчера, сегодня, завтра. Краеведческий альманах к 425-летию города. Яранск, 2009. С. 14.

⁵Тарханами в шестнадцатом и семнадцатом веках называли освобожденных за особые заслуги от налогов и податей. Что делали люди с такими привилегиями в крошечной крепости в глухом на оба уха краю – ума не приложу.

⁶Цит. по: Кутюков М. И. Яранск. Киров, 1984. С. 12

⁷Цит. по: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т.3 С. 232

⁸Цит. по: Гагарин Е. И. Леонтий Лукьянович Шамшуренков. Киров, 2009. С. 12

⁹Там же. С. 23

¹⁰Там же. С. 24

¹¹~~Читаешь про все это и думаешь – как же повезло Левше, что он просто напился нянь дорогой из Англии домой и быстро умер в Обуховской больнице отчего в России изобретатель еще и великомученик черт догадал Шамшуренкова родиться в России е душой и талантом~~

¹²Нижеследующее совершенно точно не имеет никакого отношения к истории Яранска, и все же... Черновик своего письма в Сенат изобретатель отдал переписать набело другому заключенному нижегородского острога – Федору Родионову. Тот углядел, что в черновике неопытной рукой племянника Шамшуренкова был перечеркнут титул императрицы. Так бывает, когда напишешь что-нибудь не в том месте, зачеркнешь и начнешь с новой строки. Родионов немедленно донес об этом тюремному начальству, надеясь то ли на сокращение срока заключения, то ли на лишнюю пайку хлеба. Шамшуренкову повезло – донеси его сокамерник о такой помарке на несколько лет раньше, во времена Анны Иоанновны – дело могло кончиться и для Леонтия Лукьяновича, и для его племянника денежным штрафом или битьем батогами. К счастью (вот счастье-то!) в царствование Елизаветы Петровны таким делам ходу не давали, и специальный указ Сената семьсот сорок второго года предписывал такие помарки исправлять, а писцов, просителей и испорченные бумаги в Тайную канцелярию не отправлять. Шамшуренкова допросили, удовлетворились его объяснениями о том, что его племянник «то учинил от неисправного писания крестьянскою своею простотою», и дело закрыли. ~~Ноневоле и задумаешься – а ведь мы теперь семимильными шагами в сторону противоположную от этого сенатского указа сорок второго года...~~

¹³Цит. по: Гагарин Е. И. Леонтий Лукьянович Шамшуренков. Киров, 2009. С. 32-33.

¹⁴Цит. по: Герцен А. И. Былое и думы. Ленинград: ОГИЗ, Гослитиздат, 1946. С. 159

¹⁵Там же. С.159

¹⁶Шелепов С.Е. Яранская Комиссаровская. Восемнадцатое октября. Йошкар-Ола, 2018. С. 10

¹⁷Там же. С 6.

¹⁸Здание яранской женской гимназии как стояло, так и стоит на улице Гоголя. Улицу переименовали в честь Николая Васильевича в девятьсот десятом году, а до того она называлась Басурманской потому, что в незапамятные времена в конце ее находилось мусульманское кладбище.

¹⁹В книге о яранской гимназии я вычитал, что в восемьсот семьдесят пятом году туда на должность сторожихи поступила мещанка Жукова и прослужила в этой должности двадцать восемь лет. Обычной сторожихой. Всю жизнь. Представился мне тогдашний Яранск, женская прогимназия, крошечная сторожка, где мещанка Жукова сидела вместе с кошкой Анфисой, давно не беленая печка и закоптелый медный чайник. Ноги у сторожихи отекали. Зимой по ночам было слышно, как воют волки на окраине города. Может, она и выпивала, но не как все сторожа, а самую малость – по престольным праздникам. На Пасху гимназистки приносили ей крашеные яйца и куски куличей, завернутые в синюю сахарную бумагу. Любили у нее сидеть и чай пить вприкуску. У Жуковой и родственников не было, кроме какой-то двоюродной племянницы* в соседнем Царевококшайске. Та уж после похорон приехала, теткин дом продала и укатила обратно. Да там и дом-то был одно название – покосившийся, с гнилыми нижними венцами. Купили его ради земли, на которой он стоял и разобрали, чтобы не мешал строительству нового. Как там у древних... Не была. Была. Никогда не будет.

*Уже после того, как я все это выдумал из головы, Сергей Евгеньевич Шелепов – автор книги о гимназии – написал мне, что в списках учениц Яранской прогимназии 1874/75 уч. года значится мещанская дочь Юлия Жукова. Может, дочь, может, племянница, а может, и просто однофамилица... Мне почему-то сразу стало легче от этого известия. Сергей Евгеньевич еще поискал в своих бумагах и нашел, что в 1904 году мещанка Жукова просила выдать ей единовременное пособие 72 рубля за почти тридцатилетнюю службу сторожихой в яранской женской прогимназии. Выдали пятьдесят... Нет, все же не легче.

И еще подумалось мне, что хорошо бы поставить Жуковой памятник во дворе того здания, где была гимназия. С кошкой на коленях. И принимать возле памятника в пионеры. Есть памятники учителям, есть ученикам, есть, наконец, кошкам, а вот школьным сторожихам ни одного нет. Тем более таких, которые почти тридцать лет на одном месте. Водили бы к нему экскурсии, терли бы на счастье нос кошки Анфисы... Нет, не поставят. Во-первых, не дадут на памятник денег, потому как сразу вспомнят про неизвестно куда пропавшие деньги на памятник Шамшуренкову, во-вторых, если и дадут, то их... то они... потом и концов не найдут, в-третьих, теперь и пионеров-то нет, чтобы в них принимать. Если честно, то и туристов в Яранске кот заплакал.

²⁰Цит. по: Елена Кожина Ф.Ф. Павленков и Яранск // Наш край. Вып. 4. Яранск, 2000. С. 66.

²¹Дождикова Е.В. Деятельность органов местного самоуправления в Яранске в конце 19 – начале 20 веков // Наш край. Вып. 7. Яранск, 2004. С.42.

²²Там же. С.43.

²³Цит. по: Тимкин Ю.Н. Яранские большевики в 1917–1921 гг. // Яранск вчера, сегодня, завтра. Краеведческий альманах к 425-летию города. Яранск, 2009. С. 14.

²⁴ Цит. по: Гулина Е. Яранский народный драматический театр как феномен культуры // Наш край. Вып. 5. Яранск, 2001. С.64.

²⁵Цит. по: Сауляк Е. Альманах «Первая зелень» – отклик яранских писателей и поэтов на события первой трети XX века // Яранск вчера, сегодня, завтра. Краеведческий альманах к 425-летию города. Яранск, 2009. С. 147.

²⁶На этом месте я задумался, полез на сайты, где продают молочных коров, и выяснил, что сейчас хорошая корова (Демьян Бедный советовал купить хорошую корову) стоит около ста тысяч рублей. Некстати вспомнились мне мои гонорары, полученные за стихи... Беспородного хомяка я, быть может, и купил бы на свои гонорары, но корову... да хотя бы козу... Скорее всего, только котенка, которого отдают даром в хорошие руки.

И вообще – напиши я сейчас антирелигиозную поэму, мне бы такую показали корову... В том смысле, что сделали бы козу.

²⁷Стал я искать списки репрессированных яраничей, и среди разного рода документов попался мне ответ на запрос «О предоставлении информации об объектах памяти жертв политических репрессий», сделанный в четырнадцатом году директором научно-информационного центра «Мемориал» правительству Кировской области. Правительство в лице заместителя председателя сообщает, что в Кировской области этих памятников довольно много, и среди них – памятник Герцену, здание бывшей городской управы, в котором работал Салтыков-Щедрин, дома, в которых жили ссыльные революционеры Бауман, Степанов, Мавромати, Радин, Дубровинский, польские рабочие из Варшавы... и еще десяток имен. Отдельно в списке дом, где жил революционер Дзержинский, и табачная фабрика, на которой он фасовал махорку. Интересно, а если с таким же запросом обратиться к правительству Архангельской области, они тоже внесут в список памятников жертвам политических репрессий дом в Сольвычегодске, в котором жил сосланный Джугашвили?

²⁷Священномученик Нектарий, епископ Яранский. Его приходы и паства в Вятской губернии. Жизнеописания и документы / Составитель Л. Е. Сикорская. М., 2016. С.318.

²⁸Читатель моего фейсбучного журнала Ирина Лифшиц со слов отца, эвакуированного из Витебска в Яранск, рассказывала мне, что паспортистка, выдававшая ему новое свидетельство о рождении взамен оставленного в суматохе в Витебске, была очень удивлена и даже озадачена национальностью «еврей», о которой она до этого не слыхала.

– Евреи, ебреи... – проворчала она. – Не знаем мы никаких ебреев. Из Белоруссии – значит белорусы.

И записала белорусом. Так ее папа и проходил до конца войны белорусом и только потом переделал документы.

²⁹Конечно, я хотел написать оптимистический финал. Про тихую спокойную Ярань, про глубинный народ, про древний и вечно молодой Яранск, про светлое будущее, в которое яраничи смотрят в надежде на... Не получилось, хотя и старался изо всех сил.